

Алексей Сиротинин

ПРОДОЛЖЕНИЕ

рассказы о музыке и музыкантах

Алексей Сиротинин

Продолжение

*Рассказы
о музыке и музыкантах*

Орёл

Издатель Светлана Зенина
2020

Но, как только мы услышали и увидели в исполнении детей Московской хоровой школы «Весна» ряд произведений на стихи Пушкина, сразу же решили для себя вопрос выбора произведения для конкурсной работы по музыкально-теоретическому анализу хоровых сочинений.

«Весна» А. С. Пономарёва

В этой связи необходимо назвать тёзку великого Поэта — Александра Сергеевича Пономарёва, создателя и бессменного руководителя детской хоровой школы «Весна», чьё имя она сейчас носит. К сожалению, этот прекрасный хормейстер совсем недавно безвременно ушел от нас.

Самобытный талант А. Пономарёва выразился во многих направлениях. Смолоду, ещё в далёком 1965 году, будучи студентом музыкального училища, он показал себя прекрасным организатором и педагогом, сумевшим из кучки дворовых ребятишек в короткое время «вылепить» будущую «Весну».

За прошедшее время «Весна» превратилась в ведущий хоровой коллектив мирового уровня, участвуя и побеждая во многих международных конкурсах и фестивалях.

В настоящее время хоровая школа «Весна», говоря словами А. С. Пушкина, это — «...приют, сияньем муз одетый», это дом, где живут дети, музыка, радость и творчество.

Дети — участники хора, обладают чрезвычайно высоким уровнем исполнительского мастерства. Нам посчастливилось быть лично знакомыми с А. С. Пономарёвым, его «веснушками» и теперешним руководителем хора — Надеждой Авериной.

Неоднократно присутствуя на репетициях хора, мы не

перестаём бесконечно удивляться и восхищаться обоюдной влюблённостью детей и руководителей. Безупречная чистота интонации, отменная дикция, выразительность и эмоциональность, присущие певцам, это результат высокой планки педагогического и хормейстерского мастерства А. С. Пономарёва и всего педагогического коллектива, состоящего в основном из бывших участников хора.

Репертуар этого выдающегося детского хорового коллектива представляет собой огромный список произведений авторов разных стран, эпох, стилей и направлений от народной песни до сложнейшей музыки современных композиторов и, в частности, музыки друга и соратника «Весны», композитора Ефрема Подгайца.

Довольно значительное место в репертуаре «Весны» занимают произведения, написанные на стихи А. С. Пушкина: «Зимняя дорога» В. Шебалина, «Фонтану Бахчисарайского дворца» А. Власова, Хор девушек из оперы «Евгений Онегин» П. Чайковского. «Где наша роза» Георгия Свиридова и «Роза» Ефрема Подгайца.

*Астхик Оганесян,
Аверина Надежда Владимировна —
художественный
руководитель хора «Весна»*

Александр Сергеевич Пономарёв

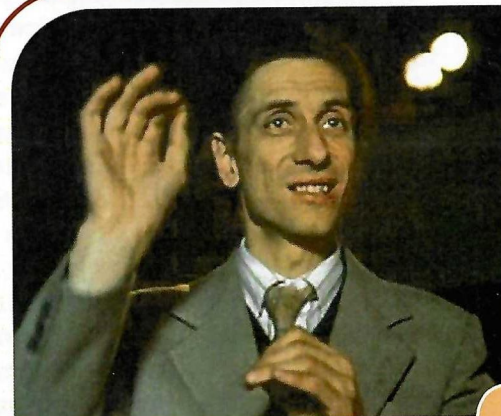
Весна

Была весна 1968 года. Я заканчивал второй курс Харьковского Института Искусств. По дирижированию я учился у выдающегося хормейстера — Кулика Юрия Ивановича, который работал с консерваторским хором. От него я узнал, что из Москвы приезжает хор и будет выступать в нашем актовом зале. К этому времени я уже работал с детским хором студии педагогической практики при консерватории. Заведующий кафедрой К. Н. Греченко, бывая на моих занятиях, похваливал мой хор и мне казалось, что я имел представление о том, как хор может и должен звучать. Мне было интересно сравнить звучание своего и столичного хора.

Однако, во время концерта с первых же звуков стало понятно, что о сравнении не может быть и речи. Со сцены лился мягкий, нежный, лёгкий, прозрачный как ключевая вода звук, а дети были похожи на ангелов, сошедших к нам, чтобы показать, подарить высшее эстетическое блаженство и наслаждение. Каждое исполняемое произведение было сделано так совершенно, так безукоризненно оформлено, спе-

то так кристально чисто, что даже мысли не могло возникнуть о том, что можно спеть ещё лучше.

Дети-хористы представлялись мне какими-то особенно талантливыми, голосистыми, способными на выполнение сложнейших мелодических и интонационных трудностей, которые иногда не по силам и нам, студентам консерватории.

Пётр Васильевич Меркурьев

Потом мы узнали, что это выступление хора пошло в зачёт приёмных экзаменов для хормейстера «Весны» Александра Пономарёва и его помощника Петра Меркурьева.

Естественно, я не замедлил познакомиться с ними поближе, поскольку приняты они были сразу на наш третий курс. Мы были почти равны по возрасту и по статусу. Мы быстро сошлись на общей теме детского хора и летом после очередной сессии они пригласили меня к себе в Москву в гости, хотя, более вероятно — это я сам к ним напросился.

Прямо с вокзала мы переступили порог детского сада, где размещался тогда этот чудо-хор. С первых шагов поражало всё: как в коридорах их встречала детвора, как спокойно и мягко ходили, говорили, улыбались дети. Не было ни беготни, ни криков, ни суеты. Кабинет директора представлял собой угол общей комнаты, отгороженный шкафом с пластинками.

Наступило время репетиции. Мы вышли из кабинета и пошли в класс. В коридоре ни души, в школе ни звука. И только открыв дверь и увидев стоящих детей, я понял, что

такое хоровая дисциплина и как должно быть организовано начало репетиции. В память врезались мельчайшие моменты первой встречи с «веснушками». Я помню лица детей той далёкой поры, того далёкого состава хора, их красивую посадку, их реакцию на замечания, советы, шутки руководителя. Помню даже произведения, над которыми тогда шла работа. Вначале, после распевания были две русские народные песни в обработке А. Лядова «Ты река ль моя» и «Во лузях». Потом пелись номера из кантаты А. Пахмутовой «Отрядные песни». И это было удивительно продуктивно, удивительно чисто и выразительно.

Для хора это была обычная репетиция, только, наверное, чуть более возбуждённая. Александр Сергеевич много шутил, дети не сводили с него влюблённых глаз и реагировали чрезвычайно активно и искренне. Для меня же эта репетиция стала окном в мир эстетики: во взаимоотношениях между детьми и учителями, между самими детьми, в отношении старших детей к младшим, в устройстве внутренней жизни хора. Я только собирался приводить свой хор к чему-то подобному, а тут я воочию увидел высочайшую культуру хоровой организации, где дети с воодушевлением поют, легко и даже с наслаждением выполняют различные обязанности.

Эти несколько дней я провёл среди необычных детей из обычных окрестных дворов. Вопросам моим не было конца. Жил я в семье у А. С. и поэтому мог наблюдать, как он живёт и работает после работы. Он не сидел спокойно за ужином, который по случаю гостя был обильным на блюда и напитки. Он то звонил кому-то, то ему звонили, то он решал вопросы с предполагаемой поездкой хора, то с выпуском первой пластинки. У меня от усталости уже слипались глаза, а он вдруг сел за пианино и начал показывать мне новые произведения, которые готовил к разучиванию с хором.

В общем, с этого моего первого посещения и завязались наши дружеские отношения. Я стал бывать в хоре «Весна» постоянно и по несколько раз в год. Я откровенно учился работать по методике «Весны».

Как-то я задал Саше вопрос, касающийся высокого качества пения его хора и умения быстрого разучивания произведений, высокой техники сольфеджирования детьми разного возраста, наивно полагая, что вот он мне сейчас скажет, расскажет особый секрет и я буду у себя в хоре делать точно также. На что он мне ответил с привычной для него грубоватой прямоотой: «Надо быть Пономарёвым, и тогда у тебя всё будет, как у меня».

Увлечённый своим делом, организацией жизни хора по своим, только ему известным правилам и критериям, занятый воплощением в жизнь своих, только ему известных представлений о том, как должен звучать хор, он был нетерпим ко всему тому, что мешало или кто мешал воплощению его идей, замыслов и планов. Мне запомнилось из долгого нашего общения, что он, человек дела, не отличался большой деликатностью, галантностью и не любил праздно болтовни. Насколько мягок и деликатен он был в общении с детьми, насколько обаятельны и заинтересованы в тот момент были его глаза, настолько чётко и принципиален, конкретен до резкости он был со взрослыми людьми.

Иногда мне удавалось быть свидетелем его общения с творческими людьми: А. Н. Пахмутовой, Ефремом Подгайцем, Мерабом Парцхаладзе, Томасом Коргановым. И я всегда отмечал для себя краткость и конкретность беседы, точную формулировку обсуждаемого вопроса. Благодаря Саше я был представлен этим известным композиторам, которые в разные годы подарили мне авторские сборники своих сочинений.

Иногда я ночевал прямо в школе, где было всё необходимое для ночлега. И даже тогда, поздним вечером, когда, казалось бы, день прожит и дела могут подождать до завтра, его занимали вопросы минувшего дня и планы ближнего и перспективного завтра.

По нашей русской провинциальной традиции, я предлагал ему иногда «раздавить» бутылочку коньячка, но он весело отшучивался и очень редко соглашался.

В 1975 году я уехал в Магаданскую область. Там, в одном небольшом городке мне предложили возглавить музыкальную школу. Став директором, я начал открывать всё новые и новые классы, добился отдельного помещения для школы. Через год появился преподаватель по классу скрипки, а скрипок на всех учащихся две штуки, притом обе по размеру целые, что годятся только для взрослых учеников. Попросил помочь Сашу. В телефонном разговоре он лишь кратко сказал: «Попробуюсь».

Какова же была моя и всего коллектива школы радость, когда через месяц с почты позвонили и сказали, что на моё имя из Москвы пришло несколько посылок. При вскрытии в них обнаружилось двадцать скрипок, где были и восьмушки, и половинки и три четверти. Скрипки лежали в ящиках, сбитых из листов фанеры. На внутренней стороне одного из ящиков я обнаружил рисунок маслом с изображением церкви в лесу, занесённой снегом. Я аккуратно выпилил его и повесил: вначале в своём директорском кабинете, а потом, когда уехал на материк дома на самом видном месте. И сейчас, когда я с болью в душе пишу свои воспоминания, эта церковь, похожая на церквушку из пушкинской «Метели», висит передо мной, олицетворяя чистый образ души человека, увлеченного, умеющего восторженно работать и бескорыстно помогавшего другим.

На занятиях хора очень часто сидели люди, приезжавшие из разных городов и даже стран. Как-то, появившись у него в школе после долгого отсутствия, мы шли с ним по коридору из кабинета в зал. Я замешкался, рассматривая афи-

ши, развешанные по стенам, а Саша ворчит: «Пойдём скорее, там делегация из Германии сидит». Входим в зал и видим картину: Хор как всегда стоит на своём обычном месте, против него на гостевых стульях сидит народ, человек пятнадцать, которые при появлении Саши тоже встали и начали аплодировать. Как и я, вся эта делегация на протяжении всей репетиции сидела не шелохнувшись. Сейчас у меня такие ощущения, что в самом начале репетиции мы все вздохнули и лишь в конце её выдохнули.

Вспоминается и несколько конфузный для меня случай. Как всегда, я сидел в сторонке и любовался детьми, их образным исполнением, выражением их глаз, непосредственной детской реакцией на просьбы хормейстера. Работа шла над «Вокализом» С. Рахманинова. Почему-то в этот раз на репетиции не было концертмейстера. И вдруг Саша поворачивается ко мне и неожиданно, громко так, чтобы слышали все дети, говорит: «А сейчас нам Алексей Иванович поможет и поиграет аккомпанемент!» Я никак этого не ожидал, тем более, ещё с консерваторских времён он знал, что у меня, как, кстати, и у него, с чтением с листа были определённые проблемы. А тут — Рахманинов! Однако, деваться некуда, на меня смотрят дети, ждут и верят, что их любимый руководитель Александр Сергеевич зря не скажет, и что он нашёл прекрасный выход, что вот сейчас дядя сядет и сыграет всё, что нужно. Встал я и пошёл к роялю. Одну страницу кое-как осилил с грехом пополам, а дальше, где началась полифония, случилось то, что и должно было случиться: я поплыл. Отшутившись, мне пришлось ретироваться и пообещать, что выучу всё к следующему разу.

В последний раз мы виделись с Сашей в ноябре 2008 года, когда я с дочерью приехал к нему на юбилейные торжества. Обнявшись, мы коротко поприветствовали друг друга. Понимая состояние юбиляра, мы с дочкой решили не мешать ему, дать возможность сосредоточиться на подготовке к репетиции и пошли гулять по школе.

Фойе и коридоры сияли цветами, поздравительными плакатами. У нас с собой была видеокамера и мы с удовольствием снимали эти проявления детской любви к своему учителю.

Народу было необычайно много. И главное, это были не ученики школы. Это было видно по внешнему облику. И это были не родители, которые иногда приходят с детьми. Все эти люди ходили как у себя дома, переговариваясь, здороваясь, обнимаясь. Так, как будто давно-давно не виделись. И когда мы вошли в хоровой зал, стало понятно,

что собрались сегодня не только нынешние «веснушки», но поздравить Александра Сергеевича пришли более ста человек из числа бывших учащихся.

Как только он вошел в зал, хор дружно встал, и началось весёлое поздравление. Старшие девочки, стоя перед хором, запели поздравительные слова, специально сочинённые ими по случаю юбилея на мелодию «Качелей» итальянского композитора Денца. Огромный, более чем 200-голосый хор как всегда легко, с горящими глазами, с любовью глядя на стоящего перед ними смущенного учителя, звонко и легко подпевал припев: «Он весёлый, вечно молодой, и с любой он справится бедой!»

Держа в руках подаренный детьми букет цветов, Саша как всегда несколько смущённо улыбался, смотря на детей с любовью, а на меня и гостей с гордостью.

Его не стало в мае 2012 года. Уже на следующий год детская хоровая школа «Весна» стала носить имя своего основателя — Александра Сергеевича Пономарёва.